

Таймасов Леонид Александрович

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧУВАШЕЙ

В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

***Аннотация:** в статье проанализированы оценочные суждения и выводы признанного исследователя истории чувашского крестьянства И.Д. Кузнецова на политику и практику христианизации чувашей. Изучены использованные автором источники, показана авторская позиция к массовому крещению, развитию церковного землевладения. Основное внимание автор уделил податным льготам, перераспределению платежей. Показаны недостатки ранней миссионерской практики, сохранение традиционной обрядности, конфликты вокруг руги и переходы части чувашского населения в ислам. Отмечено, что собранный исследователем фактический материал сохраняет научную ценность, однако его выводы нуждаются в критическом прочтении с учетом советской марксистской и антирелигиозной парадигмы.*

***Ключевые слова:** чувашы, христианизация, православие, Кузнецов, новокрещенные, руга, моление, ислам, историография.*

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 26-28-20326.

В советской историографии труды Ивана Даниловича Кузнецова по истории чувашского крестьянства занимают особое место. Тема христианизация чувашей рассматривалась исследователем в контексте социально-экономической политикой царизма, деятельностью духовенства и протестными выступлениями крестьян. Содержащийся в его научном творчестве материал отражает конфессиональные преобразования XVI–XIX вв. Отдельные фактические данные и

теоретические положения автора использовались П.В. Денисовым, Л.А. Таймазовым при исследовании истории религии чувашского народа [1; 5; 6].

Целью настоящего исследования является систематизация сведений о христианизации чувашей в творческом наследии И.Д. Кузнецова и определить особенности авторской оценки ее воздействия на жизнь и быт сельского населения. Задача заключается не в реконструкции всего процесса христианизации, а в выявлении тех аспектов, которые автор считал существенными. Источниками исследования стали фундаментальные монографии И.Д. Кузнецова по истории чувашского крестьянства [2–4]. В данной статье анализируются два уровня в работах историка. Первый составляет используемые ученым документы, статистические сведения, конкретные факты, второй – авторская интерпретация источников в рамках марксистской историографии. Кузнецов прежде всего уделял внимание насильственным мерам крещения, церковным повинностям, социальному раслоению, формам протеста.

Начало христианизации чувашей И.Д. Кузнецов связывает с «присоединением Казанского царства к Руси». Автор уделил внимание росту церковного землевладения за счет захвата крестьянских земель и приводит факты завладения Казанским архиепископом Германом 4 сел, 1 сельца, 4 деревень, 4 починка, 3 пустошей и займищ [3, с. 37]. Приводит сведения из актового документа царя Федора Алексеевича, свидетельствующего о стремлении царизма распространить христианство среди иноверцев предоставляя «новокрещенам в Арзамасе из приказные избы великого государя жалованья ... на платья мужска и женска полу всякому человеку по 2 рубли да сверх тое государева денежного жалованья им же новокрещенам мурзам и служилым татарам в службе и во всяких великого государя податях, також мордве, чюваше и черемисе и вотякам и буртасам во всяких податях давать льготы на три года...» [3, с. 86–87].

Статистические сведения Конторы новокрещенских дел позволили Кузнецову утверждать о массовом характере кампании 1740-х гг. По его данным, во второй половине 1747 г. в Казанской, Оренбургской, Нижегородской и Воронежской губерниях из 37 322 крещеных мужчин и женщин 24 879 составляли чувашаи.

За 1740 г. – первую половину 1749 г. общее число крещеных нерусского населения достигало около 300 тыс. человек; особенно высокие показатели приходились на 1746–1747 гг. [4, с. 179]. Ссылаясь на сочинение XVIII в. «Рассуждение о России», Кузнецов христианизацию народов Среднего Поволжья характеризовал как преимущественно принудительный процесс, отмечал разрыв между внешними мерами крещения и сохранением у новокрещеных прежних религиозных представлений: оставшихся «внутренне по-прежнему идолопоклонники» [4, с. 176–177]. Причины поверхностного усвоения новой веры он объяснял не только с принуждением, но и с несовершенством миссионерской практики. Духовенство не знало языка и культуры новокрещеной паствы, не располагало переводами Священного Писания, не могло донести до нее основы вероучения. Крещение в подобных условиях превращалось в административный акт. Кузнецов упоминает новокрещенские школы, задуманные как средство подготовки проповедников и священнослужителей из среды нерусских народов. Одной из причин закрытия этих учебных заведений Кузнецов называет злоупотребления при наборе учеников, недоверие населения к администрации, плохие условия содержания, высокая смертность в среде воспитанников [4, с. 177].

В работах И.Д. Кузнецова обозначены две взаимосвязанные проблемы: насильственный характер обращения в христианство и отсутствие условий для осмысленного вхождения новокрещеных в церковную традицию. Сохранение дохристианских обрядов автор рассматривает не просто как «пережиток», а как закономерный результат формальной конфессиональной политики. Хотя автор не конкретизирует проблему религиозной идентичности, но замечает, что таинство крещения не изменил веру новокрещеных крестьян.

Свои умозаключения И.Д. Кузнецов строит преимущественно на свидетельствах современников, а не на описании богослужебных практик, что усиливает публицистическую выразительность текста, но ставит вопрос о репрезентативности источника. Характеризуемые автором события нельзя механически распространять на все приходы и на все духовенство. Однако Кузнецов фиксирует реальные трудности утверждения христианства среди чувашей: языковой барьер,

недостаток подготовленных миссионеров, разрыв между официальным числом крещений и глубиной их религиозного просвещения.

Центральное место в работах Кузнецова занимает экономический аспект массового крещения. Новокрещенные получали временные льготы: освобождение от ряда платежей и повинностей, которые перекладывались на некрещеную часть населения. Исследователь подчеркивает, что по мере увеличения числа крещеных росла нагрузка на ревнителей традиционных верований, а конфессиональный выбор оказался включенным в систему фискального давления. И.Д. Кузнецов приводит доношение Казанской губернской канцелярии от 31 мая 1749 г., в котором сообщалось, что некрещеные жители несли фактически двойной платеж: за себя и за новокрещеных. В Казанской губернии в подушном окладе числилось 319 085 муж., к 1 января 1749 г. были крещены 170 759 чел., причем у 140 606 льготный срок еще не закончился. Некрещеными оставались 148 326 чел., на которых предполагалось распределить 609 431 руб. платежей [4, с. 178]. Эти крестьяне вынуждены были продавать почти весь хлеб, скот, постройки, попадали в долговую зависимость и даже закладывали детей. Ссылаясь на привлеченный документ, Кузнецов отмечает, что перераспределение податей воспринималось современниками как причина разорения и бегства чувашей [4, с. 177–178].

По мнению И.Д. Кузнецова, трехлетняя льгота и самих новокрещенных не избавляла от последующих расходов. Исследователь упоминает церковные поборы, участие населения в строительстве храмов, неполное получение обещанных вознаграждений за крещение. В итоге первоначальные выгоды сменялись новыми расходами. Он приходит к выводу о социально-экономической направленности христианизации. Особенность этого механизма заключалась в воздействии на обе группы населения. Некрещеных побуждали к принятию крещения ростом платежей, а новокрещенные после окончания льготного срока вновь включались в систему государственных и церковных повинностей, что ухудшало финансовое и материальное положение крестьян и придавало конфессиональным конфликтам выраженный социальный характер.

И.Д. Кузнецов обращает внимание и на неодинаковое положение разных групп чувашского общества. Одними из первых крестились представители местной социальной верхушки – «коштаны». По мнению учёного, наиболее знатные из них получали повышенные льготы и серебряные кресты [3, с. 179]. Это наблюдение соответствует общей логике его труда, где религиозные процессы рассматриваются сквозь призму социальной дифференциации. Христианизация предстаёт не как одинаково переживаемое всем народом событие: отношение к ней зависело от имущественного положения, административного статуса и возможностей получить выгоды или, напротив, избежать дополнительных тягот.

Сельские храмы с причтом, по мнению Кузнецова, становились опорными пунктами государственного влияния. Церковь являлась местом богослужения, регистрации и учета населения, сбора церковных налогов, поэтому отношение крестьян к ней определялось не столько религиозным опытом, а сколько практикой взаимодействия с властью. В этой связи статистика массового крещения характеризует прежде всего внешнюю сторону процесса. Число совершенных крещений не позволяет само по себе судить о степени усвоения христианского вероучения.

Хроника крестьянского движения, составленная Кузнецовым для пореформенного периода, отражает напряженность в отношениях между причтом и паствой. В сводной таблице за 1860–1904 гг. он выделил 96 выступлений «против попов, руги, религиозных притеснений» [2, с. 272]. Даже если приведенные данные не позволяют получить реальную картину антицерковных выступлений крестьян, само выделение такой категории свидетельствует о заметном месте церковных конфликтов в социальной истории деревни.

В монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма» И.Д. Кузнецов подробнее раскрывает материальную основу этих столкновений. Он показывает, что руга могла взиматься одновременно с казенным жалованьем причта и платой за требы, а сельские общества пытались определить приемлемые размеры церковных сборов. Так, в приговорах крестьян Ишаковского и Янгильдинского приходов 1866 г. перечислены платежи за исповедь, крещение, венчание,

отпевание и хождение с крестом, поэтому отказ от сбора руги мотивировался неурожаем и бедностью населения [2, с. 345–347]. Материал судебных и административных дел показывает также принудительное взыскание руги, аресты неплательщиков и продажу имущества должников [2, с. 347–350]. Эти данные уточняют краткую хронику выступлений: речь шла не об отвлеченном отрицании религии, а о конкретных спорах по поводу объема и способов исполнения приходских повинностей.

С недостатком денежных и материальных ресурсов Кузнецов связывает переход чувашей ряда селений в ислам [2, с. 273]. В авторской схеме данный эпизод объясняется прежде всего протестом против поборов. Вероятно, реальная мотивация была сложнее и могла включать влияние соседнего мусульманского населения, поиск иной конфессиональной принадлежности и неудовлетворенность качеством пастырской работы. Однако сообщение Кузнецова ценно как указание на связь между хозяйственными отношениями внутри прихода и изменением религиозной идентичности.

В работах Кузнецова нашли отражение столкновения по случаю исполнения крестьянами традиционных обрядов. Так, в 1881 г. жители Старых Шигалей Цивильского уезда выступили в связи с запрещением моления чўк [2, с. 273–274]. Такие эпизоды показывают, что спустя более столетия после массового крещения часть населения продолжала воспроизводить традиционные коллективные моления. Запрет обряда превращал религиозное различие в открытый конфликт. Здесь фактический материал Кузнецова особенно важен: он позволяет увидеть христианизацию как длительный и незавершенный процесс, в котором официальная принадлежность к православию могла сочетаться с устойчивостью прежних ритуальных практик.

В 1892 г. Кузнецов зафиксировал столкновение жителей села Чемеева и других сел с церковниками из-за отрезки общинных земель, в 1898 г. – отказ крестьян села Ишаки платить ругу, а в 1903 г. – аналогичный отказ в деревне Адыльял Козьмодемьянского уезда [2, с. 274–275]. Эти случаи не следует автоматически считать выступлениями против христианства как вероучения. Скорее,

они отражали конфликты из-за материального обеспечения причта, землепользования и властных полномочий церковных институтов. Разделение религиозного неприятия и социального протеста помогает точнее интерпретировать сведения Кузнецова.

Эпизоды о религиозной политике и практике разнесены хронологически и не позволяют представить антицерковные выступления как единое непрерывное движение. Протестные выступления объединяет не столько общая программа, сколько повторяющаяся ситуация столкновения сельской общины с внешними предписаниями или материальными требованиями. Поэтому, их перечень можно использовать скорее как карту локальных сюжетов для дальнейшего изучения, а не как доказательство всеобщего неприятия православия чувашским крестьянством.

Концепция Кузнецова формировалась в условиях господства марксистской идеологии, классовой методологии. Отсюда использование слов «царизм», «ограбление», «религиозные притеснения» и т. д. В изложении исследователя позитивные стороны православной миссии, развитие национальной письменности, переводы богослужебных текстов и изменения в деятельности духовных школ практически не рассматриваются. Христианизация предстает главным образом как средство фискального и административного давления.

Вместе с тем монография 1963 г. содержит наблюдение, которое усложняет эту схему. На примере Байглычевского прихода Кузнецов отмечал, что переход к богослужению и проповеди на чувашском языке, а также приспособление церковного календаря к привычным формам народной культуры способствовали укреплению православной практики. Этот результат он связывал с системой Н.И. Ильминского [2, с. 354–355]. Тем самым даже в рамках антирелигиозной концепции автор фактически признавал значение родного языка и культурной адаптации для более глубокого усвоения христианства.

Материалы о второй половине XIX – начале XX в. показывают, что конфессиональная политика продолжала влиять на социальное поведение чувашского крестьянства. Отказы от уплаты руги, конфликты из-за церковной земли,

переходы в ислам и защита обряда чўк свидетельствуют о сложном сочетании хозяйственных интересов, религиозной самоидентификации и сопротивления административному контролю.

Односторонность интерпретации привлеченных источников не умоляет труд Кузнецова. Он ввел в научный оборот значительный массив документов, статистики и локальных сведений. Особенно ценны названия приходов и селений, даты выступлений, данные Конторы новокрещенских дел, выдержки из губернской переписки, формы протестов. Его книги остаются своего рода путеводителем по проблемам, которые могут быть заново исследованы на основе архивных материалов.

Современная историография рассматривает утверждение православия среди новокрещенных народов как переплетение миссионерских, административных, фискальных и просветительских мер и процесс синкретизации христианства с народными верованиями. Новое прочтение предполагает тройную проверку. Во-первых, следует отделять цитируемый документ от комментария историка. Во-вторых, общие цифры по «иноверцам» нельзя без оговорок переносить только на чувашей. В-третьих, экономический протест против руги или земельных притязаний причта не тождествен отказу от православной веры. При таком подходе сведения Кузнецова позволяют реконструировать важные стороны христианизации: роль принуждения и льгот, проблему языка миссии, сохранение традиционных обрядов и связь конфессиональных конфликтов с повседневной жизнью деревни.

Перспективным направлением дальнейшей работы представляется сопоставление названных Кузнецовым эпизодов с делами духовных консисторий, приходскими летописями, материалами губернских учреждений и этнографическими описаниями. Такое сопоставление помогло бы уточнить обстоятельства отказов от руги, масштабы переходов в ислам и конкретное содержание конфликтов вокруг молений чўк. Труды Кузнецова в этом случае выступают отправной точкой и указателем источников, но не последней инстанцией.

Главная ценность трудов Кузнецова состоит в концентрации конкретного фактического материала. Главным ограничением остается заданная советской историографией схема, в которой христианизация почти исключительно связывалась с угнетением. Поэтому его выводы нуждаются в сопоставлении с церковными, административными и этнографическими источниками. Такое критическое использование позволяет рассматривать труды ученого как исследование прошлого и как памятник советской историографии середины XX в.

Список литературы

1. Денисов, П. В. Религия и атеизм чувашского народа / П. В. Денисов. – Чебоксары, 1972. – 478 с.
2. Кузнецов, И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 584 с.
3. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1: Чувашские коштаны до двадцатого века / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 344 с.
4. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 2 / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 426 с.
5. Таймасов, Л. А. Вопросы церковно-монастырского землевладения в трудах И.Д. Кузнецова / Л. А. Таймасов // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 624.
6. Таймасов, Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века / Л. А. Таймасов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 524 с.